

— Нет, я все-таки сдержалась. Подумала, что люди в поликлинике его знают. Когда он ушел, я попросила кое-кого разузнать о нем. Мне сказали, что это третий сын семьи Дон из первой бригады деревни Даю. Я ни о чем больше не думала, просто вернулась домой и быстро рассказала все семье.

Чжао Лицзюань впервые рассказала об этой истории. Она только вышла замуж и была ранимой и застенчивой, так что все больше молчала. Сегодня свекрови дома не было. Все болтали о домашних делах и застигли ее врасплох.

— Эй, ты рассказывала Айхуа об этом?

Чжао Лицзюань поджала губы и улыбнулась.

— Я рассказала ему после того, как вышла за него замуж. Угадайте, что он ответил?

Чжоу Инди и Лю Сююнь обе казались заинтересованными.

— Что он сказал?

— Он сказал, что тоже заметил меня тогда — девушку в красном платье с двумя косичками, которая улыбалась очень привлекательной улыбкой и все время пристально смотрела на него.

Две зюловки прикрыли рты и улыбнулись, даже Чэнь Гуйсян, стоявшая под окном, усмехнулась.

После того как Чжао Дунлин покончил с формальностями по части ухода в отставку, он попрощался со своим командиром, который был так добр к нему, и товарищами, которые сражались с ним плечом к плечу более десяти лет.

По дороге домой он сначала сел на поезд. Путь до столицы провинции отнял у него пятнадцать часов. После этого он трижды пересаживался на автобус. У него ушло пять часов на то, чтобы добраться из столицы провинции в центр округа.

В округе не было автобуса, который шел бы в его село. К счастью, ему повезло поймать трактор из соседней деревни. Когда он вышел из трактора и направился к входу в деревню, оказалось, что все путешествие уже отняло у него более двадцати часов.

Деревня Шанхэ была все той же. Ивы все еще были целы, трава благоухала, горные кряжи изрезаны расщелинами, и дядюшка у входа в деревню медленно гнал вперед быка.

— Второй дядюшка!

Чжао Дунлин, неся свой багаж, тепло поприветствовал дядю.

— Ох, это же...

У старика было не очень хорошее зрение, и он был достаточно стар. Капитан бригады позаботился о нем и дал ему легкую работу — пасти скот.

— Дедушка, я Дунлин-а. Мое прозвище — Шуанцзи, — сказав так, Чжао Дунлин вынул из кармана пачку сигарет и протянул одну старику.

Дедушка неожиданно все понял, с улыбкой взял сигарету и заложил ее за ухо.

— Ох, Дунлин! Разве ты у нас не солдат? Ты вернулся проводить родню?

Зрение и слух старика были плохи, и он не сплетничал вместе с жителями деревни, так что не знал о разводе Чжао Дунлина. Он даже не мог припомнить, когда тот женился.

— Да, дедушка, ты продолжай работать, а я пойду.

— Ох, хорошо, хорошо, ты ведь занят.

В это время жители деревни были заняты работать. Май — это хлопотная пора для земледелия. За исключением второго дядюшки у входа в деревню, у которого было плохое зрение, и парочки маленьких девчушек, которым еще не нужно было ходить на занятия в деревенскую школу, по дороге Чжао Дунлин никого не встретил.

Дом семьи Чжао располагался в центре деревни, не близко к входу, но и не совсем позади других. Перед их домом текла длинная река, берега которой поросли бурьяном. Также тут специально была возделана земля для посадки овощей.

Он со скрипом открыл деревянную калитку двора снаружи. Перед ним снова предстал знакомый двор.

Тут царила тишина. Ничего здесь не шевелилось, не считая пары кудахчущих кур.

Чжао Дунлин поставил багаж и осмотрел семейный двор. По деревенским меркам это был хороший двор: одна его половина была глинобитной, а другая — из зеленого кирпича. Дорожки выложены треугольными плитками, а на востоке стояли небольшой курятник и свинарник.

У семьи Чжао была свиноматка. Разведение свиней в наши дни — это дополнительный доход к работе. Коммуны и бригады поощряли своих членов за свиноводство.

В эпоху плановой экономики каждая производственная бригада имела план по разведению свиней, которых не разрешалось продавать их в частном порядке. Как и зерно, они должны были быть переданы государству для единого регулирования и распределения, чтобы обеспечить жизненные нужды городских обитателей.

Дверь скрипнула. Чжао Дунлин обернулся посмотреть и увидел лишь свою мать, Чжан Цяо-эр, которая заносила Инбао внутрь. Также у нее в руке была бамбуковая корзина, в которой лежала свежая трава для свиней, сорванная на берегу реки.

Однако его не было дома больше года, а казалось, что для его матери прошло больше нескольких лет. Он не знал, связано ли это с Инбао, которую она несла, из-за чего ей пришлось согнуться, и она потеряла свою юношескую ловкость.

— Мама.

Нос Чжао Дунлина покраснел от кислого запаха. Он окликнул Чжан Цяо-эр. В этот момент он был невероятно рад, что решил уйти в отставку из армии и вернуться в деревню. У него были не только дети, о которых он должен заботиться, но и стареющие родители, нуждающиеся в его помощи.

Чжан Цяо-эр забыла о других людях во дворе. Услышав голос старшего сына, она подумала, что ослышалась, но оглянувшись, заметила высокого крепкого молодого человека в военной форме на своем дворе... Но неужели же это был ее старший сын, Дунлин?

— Дунлин? Почему ты вернулся?

Чжао Дунлин не стал отвечать сразу. Он подошел, снял бамбуковую корзину со спины Чжан Цяо-эр и поднял свою дочь Инбао на руки.

Инбао было всего шесть месяцев от роду, и она еще не могла узнавать других людей. У нее был ласковый характер. Обычно ее мог обнять кто угодно. Она не плакала и не доставляла неприятностей.

Инбао оказалась на руках у отца и уставилась на Чжао Дунлина большими виноградными глазами. Ее белое нежное личико было потрясенным и милым, что смягчило сердце Чжао Дунлина.

Он никогда еще не видел Инбао — это был первый раз в жизни, когда отец и дочь встретились.

Если говорить точнее, единственной ролью, которую он сыграл в появлении Инбао на свет,

было зачатие, но в остальном он не участвовал, и это касалось не только ее, но и Хайдано.

Когда Чжао Дунлин подумал об этом, ему показалось, что решение Ван Мэй уйти не было необоснованным.

Супруги в других семьях каждый день были дома. Муж и жена вместе работали на рассвете и отдыхали на закате. Когда жена беременела и рожала, муж был с ней и все время обеспечивал ее потребности. Что же до него, то из нескольких лет, прошедших после свадьбы, он пробыл с ней только чуть больше двух месяцев. И отсутствовал при стольких важных событиях. У нее были причины для обиды и недовольства.

— Дунлин, почему ты вернулся так неожиданно, не предупредив? Сколько ты ехал на машине? Ты голоден? Я тебе сейчас что-нибудь приготовлю.

Чжао Дунлин, взяв маленькую ручку Инбао, улыбнулся и сказал Чжан Цяо-эр:

— Мама, не нужно, я поел сухого пайка в дороге.

Он взял приготовленный на парú хлеб. Его сослуживцы в армии специально попросили поваров испечь это для него. Армейский хлеб на парú был большим и сытным — одного куска хватит на двоих. По дороге он съел его двенадцать кусков и правда не чувствовал голода.

С этими словами он поцеловал Инбао в маленькое личико и протянул ее Чжан Цяо-эр. А потом пошел в свинарник с бамбуковой корзиной — кормить свиней.